

**ГЕРОЙ И СУДЬБА В ЭТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ГЕРМАНСКОЙ ВОЕННОЙ ЭЛИТЫ:
«ПЕСНЬ О НИБЕЛУНГАХ»**

Саракаева Ася Алиевна, кандидат исторических наук
Хайнаньский государственный университет
Китай, 570100, провинция Хайнань, г. Хайкоу, Мэйланцю, пр-т Жэнминь, 58
E-mail: asia-lin@mail.ru

Чжоу Лися, заведующая кафедрой
Хайнаньский институт экономики и бизнеса
E-mail: 2689655292@qq.com

Лебедева Ирэна Валерьевна, кандидат социологических наук, доцент
Каспийский институт морского и речного транспорта
Российская Федерация, 414000, г. Астрахань, ул. Никольская, 6 / 14
E-mail: irenalebedeva@mail.ru

Рассматривается понятие героя и взаимоотношения героя и его судьбы в эпической поэме «Песнь о Нибелунгах». Автор выдвигает гипотезу, что в поэме и в породившем её менталитете средневековой германской военной элиты знание судьбы является признаком подлинного героизма. Раннесредневековые германцы были буквально заворожены героической гибелью, недаром лишь павшие в бою удаивались радостного посмертия в Вальхалле. Поэтому логично, что вожди, чья воля толкнула сотни других людей к этой благородной смерти, должны были занимать особое место в коллективном воображении германских народов. Описываемое понимание героики было присуще преимущественно военизированной дружинной или феодализирующейся элите германских обществ.

Ключевые слова: «Песнь о Нибелунгах», герой, судьба, предсказание, раннесредневековые германские народы, военные элиты, германские литературы

**HERO AND FATE IN THE ETHICAL SYSTEM OF GERMANIC MILITARY ELITE:
“DAS NIBELUNGENLIED”**

Sarakaeva Asya A., Ph. D. (History)
Hainan State University
58 Zhenmin St., Meilanqu District, Haikou, Hainan Province, 570100, China
E-mail: asia-lin@mail.ru

Zhou Lixia, Head of Department
Hainan Professional College of Economics and Business
E-mail: 2689655292@qq.com

Lebedeva Irena V., Ph. D. (Sociology), Associate Professor
Caspian Institute of Sea & River Transport
6 / 14 Nikolskaya St., Astrakhan, 414000, Russian Federation
E-mail: irenalebedeva@mail.ru

The article deals with the notion of Hero in its interconnection with Fate in the epic “The Nibelungenlied”. The author suggests that within the epic and the collective mindset of medieval Germanic military elite foreseeing one’s fate is a sign of a real hero. Early medieval Germans were literally bewitched by heroic death, not without reason only those who fell in battle were honored with a glorious death in Valhalla. Therefore, it is logical that the leaders, whose will pushed hundreds of other people to this noble death, occupied a special place in the collective imagination of the Germanic peoples. The described understanding of heroics was typical for paramilitary feudal elites of Germanic societies

Keywords: Nibelungenlied, hero, fate, prophecy, Early Medieval Germanic nations, military elite, Germanic literature

Удача, участь, судьба – важнейшие понятия средневековых германских легенд и литературы. Ощущение неизбежности судьбы пронизывает как исландские саги и «Старшую Эдду», так и величайшее литературное произведение немецкого Высокого Средневековья – эпическую поэму «Песнь о Нибелунгах». Автор поэмы с первых же строк, вводя в повествование своих главных героев, уже анонсирует их гибель и причину этой гибели. Такие же предсказания будущего – в особенности несчастий – рассыпаны по всему тексту поэмы. Разумеется, анонимный автор XIII в. не был создателем излагаемого им сюжета, его современники и без этих анонсов знали, кто кого убьет, и каковы будут последствия, поэтому, отступая от линейности в повествовании, автор мог не бояться, что испортит своим читателям всю интригу. Тем не менее, такие постоянные забеги вперед и отсылки к грядущим бедствиям и катастрофам производят впечатление предопределенности всех описываемых событий, их подчиненности единому потоку, который складывается из суммы индивидуальных волей и выборов персонажей, но в то же время влечёт их за собой и не допускает никаких альтернатив и вариантов.

Важное место, отводимое судьбе, уже давно было замечено исследователями – германистами и нибелунговедами. На раннем этапе научного осмысления поэмы комментаторы Шрёдер, Вербер и Фольк, мыслящие в рамках христианской парадигмы вины и искупления, утверждали, что злым роком героев становятся их собственные преступления: каждый из них должен погибнуть во искупление прежде совершенного убийства [8, с. 165]. Однако, цитирующий их вывод исследователь Томас Андерсон, работавший в середине XX в., с ними уже не согласен. Он объясняет: «Историческое прочтение источников скорее предполагает, что они (*персонажи поэмы* – А. С.) – герои, попавшие в традиционный тупик героических поступков. Они должны умереть, потому что таков общий закон героической литературы, но они превосходят свою судьбу демонстрацией личных качеств» [8, с. 165].

Такая интерпретация становится ведущей и на современном этапе изучения поэмы: герои погибают не потому, что они в чем-то ошиблись, а просто потому, что они герои. Так, авторы монографии «Средневековая германская литература» отмечают, что события поэмы только кажутся вариативными, но на самом деле они не имеют альтернативного варианта развития. С одной – внешней – стороны, герои свободны в принятии решений, на них не давит ни чужая воля, ни даже обстоятельства. С другой – их социальное положение, их собственные характеры, как и положение и характеры других акторов, с которыми они взаимодействуют, просто не позволяют им действовать как-нибудь иначе, не так, как они действуют в поэме. «Все происходит так, как должно произойти, в соответствии с утверждением, которое поэт делает в первой авантуре и повторяет в последней, что вся радость в конце концов превращается в горе» [9, с. 213–214].

Крупнейший современный нибелунговед Ян-Дирк Мюллер в своём «Эндшпиле» обращает внимание на рассыпанные по тексту намеки или предзнаменования трагической судьбы героев. Например, в эпизоде путешествия бургундов на пир к Этцелю, где им всем предстоит погибнуть, они останавливаются погостить в замке своего друга маркграфа Рюдигера. Рюдигер и его жена Готелинда преподносят им дары, и глава бургундской экспедиции Хаген из Тронье отказывается от выбранного для него подарка и вместо того просит и получает щит, ранее принадлежавший убитому родственнику Готелинды. При этом на бедре у него висит меч Бальмунг, который он забрал у Зигфрида, после того как убил его. Таким образом, теперь Хаген полностью вооружён оружием мертвецов. «Имущество мертвых, – комментирует учёный, – предназначено для тех, кто обречен умереть» [11, с. 122].

Х. Хоманн в статье, специально посвящённой изучению (и обличению) Хагена Тронье, утверждает, что этот герой не столько подчиняется судьбе или принимает её, сколько, едва лишь узнав, в чём будет состоять судьба его собственная и его товарищей, становится её активным вершителем. Базируется это утверждение, в частности, на эпизоде переправы бургундов через Дунай. По пути в Венгрию они останавливаются отдохнуть возле Дуная, и Хагенотправляется к реке разведать обстановку. Он видит купающихся в реке русалок и похищает их одежду, чтобы заставить их открыть ему будущее. Русалки рассказывают, что весь бургундский отряд будет перебит гуннами Этцеля. Затем Хаген встречает перевозчика и требует у него переправить бургундов на другой берег, когда же перевозчик отказывается, то Хаген убивает его. Впрочем, своим королям и товарищам он не рассказывает об этих событиях

ничего, не раскрывает им пророчество русалок, и прямо лжёт на вопрос, не причинил ли он какого-то вреда перевозчику. Хоман объясняет скрытность героя так: Хаген обманывает своих государей с единственной целью – чтобы путешествие могло продолжиться. Таким образом, он отнимает у них последнюю возможность самим определять свою судьбу и толкает их на путь, предсказанный русалками. По мнению исследователя, такое поведение резко контрастирует со всем, что герой поэмы делал до того. Ведь до встречи с русалками Хаген изо всех сил старался обеспечить бургундам выживание: он отговаривал их от поездки к Этцелю, он заставил их взять с собой всю свою дружину. Однако после этой встречи его мотивация меняется на прямо противоположную, поскольку контакт с Иным миром преобразил его самого. Отныне «...его верность более не абсолютна, она починена высшей цели, а именно осуществлению предсказанной судьбы» [10, с. 764–765].

Наиболее подробному рассмотрению проблематика героя и судьбы у древних и средневековых германцев подвергается в работах выдающегося отечественного культуролога А. Гуревича. Он отмечает два принципиально важных для нашей темы момента. Во-первых, для скандинавских преданий характерен выраженный акцент на героической гибели персонажа. Так, комментируя репрезентацию исторического прошлого в «Круге земном» Снорри Стурлусона, Гуревич заключает: «Не столько их деяния и подвиги, сколько обстоятельства смерти каждого конунга стоят в центре повествования – очевидно, встреча конунга со своей личной судьбой и его гибель притягивали преимущественный интерес Снорри и его аудитории» [2, с. 149]. Второй же вывод А. Гуревича представляется нам наиболее значимым и полностью применимым не только к скандинавским сагам, но и к нашему собственному материалу – немецкой «Песни о Нибелунгах». И это многократно повторенное утверждение учёного, что германский герой не испытывает ни смирения, ни негодования перед судьбой, он не покоряется ей и не противится ей – он принимает её мужественно и инициативно, идёт ей навстречу и реализует её через собственные деяния. В преданиях германцев «...нет ни намёка на пассивное восприятие судьбы, на покорность ей или смирение перед высшей силой. Напротив, знание или предчувствие собственной судьбы побуждает индивида с наивысшей энергией и честью выполнить положенное, не пытаясь уклониться от неё, но мужественно её принять» [2, с. 152]. Более того, герой является как минимум соавтором собственной судьбы, или, как формулирует это эддическая «Песнь об Атли», «выращивает свою судьбу» [2, с. 154]. «Сам герой, его воля и героический этос – источник принимаемых решений, которые “отвердевают” в судьбу», – резюмирует Гуревич в другом своём труде [3, с. 52].

Итак, все комментаторы согласны в главном: германский герой не может не погибнуть, в этом – кульминация и доказательство его героизма. По большому счёту, герой для германских легенд – это не столько человек, совершивший подвиг, сколько человек, который был красиво убит и красиво отомщён. Важен не сам факт насильственной смерти, а то, как персонаж смог её встретить, скольких врагов он успел прихватить с собой, а главное – шёл ли он к гибели бестрепетно, сумел ли не уклониться от назначенного ему судьбой финала.

В связи со сказанным неудивительно, что в германских средневековых литературах так частотен мотив предчувствия или предсказания судьбы героя. Например, в «Беовульфе» титульный герой побывал за долгие годы во множестве сражений и всегда был уверен в собственных силах, и только перед последним боем, с драконом, им овладевает ощущение приближающейся гибели. Хотя поэма не описывает никаких пророчеств или дурных знаков, внутреннего чувства приближающегося конца достаточно, чтобы, отправляясь в пещеру дракона, конунг Беовульф попрощался со своей дружиной, вспомнил и перечислил все основные вехи своей жизни [1, с. 139–143].

В «Старшей Эдде» предчувствия или предсказания настолько часты, что не имеет смысла даже перечислять их. Отдельно упомянем лишь те, которые касаются сюжета о Сигурде и сыновьях Гьюки. В песни «Пророчество Грипира» рассказывается, как к мудрому привидцу Грипиру приходит юноша Сигурд спросить о своём будущем. В ответ на его расспросы Грипир описывает ему детально и поименно всю его грядущую жизнь: месть за родичей, убийство дракона, освобождение и обман Брюнхильд, женитьбу на Гудрун и побратимство с её братьями Гуннараром и Хёгни, и наконец, гибель от рук последних. Судя по всему, наиболее печальной новостью для Сигурда становится то, что он нарушит клятвы, принесённые Брюнхильд,

и обидит её, обманом выдав за другого человека. Тем не менее, герой не предпринимает ни единой попытки как-то изменить грядущее, избежать если не гибели, то хотя бы клятвопреступления. Вместо того, он благодарит Грипира за пророчество: «Простимся счастливо! С судьбой не поспоришь!» [7, с. 274] и отправляется навстречу предсказанной участи.

В «Песни о Сигурде» несчастливые предсказания начинают преследовать сыновей Гьюки немедленно после убийства Сигурда: ворон и орёл обещают им гибель от рук гуннского конунга, Брюнхильд пророчит своему мужу Гуннару, что он живым попадёт в руки врагов [6, с. 289]. В «Гренландских речах Атли» Гуннара и Хёгни, собирающихся на пир к Атли, всю ночь отговаривают их жены, а потом на протяжении всего пути родичи пытаются убедить их не ездить в дом недруга, но герои остаются совершенно глухи ко всем предупреждениям [7, с. 318–319].

Мы полагаем, что этот сюжетный ход – пророчество о гибели, которое герой игнорирует – введено во все названные и в великое множество других повествований не случайно, и даже не для усиления трагического звучания легенды. Его настоящая цель состоит в том, чтобы подчеркнуть мужество персонажа, его готовность идти навстречу гибели не слепо, а с широко открытыми глазами. Дело в том, что «героический этос» является довольно ограниченной этической системой, по сути дела, он акцентирует лишь два моральных качества: храбрость и верность своему кровному или политическому клану. Зато эти два качества, особенно храбрость, должны присутствовать в поступках любого героя в чрезвычайной степени; чтобы быть достойным званием героем, человек должен сознательно искать смерти, даже если он был заранее предупреждён о ней, и даже если она не является необходимой.

Однако в «Песни о Нибелунгах», сложенной на более высоком уровне цивилизационного развития, многослойной, отмеченной глубиной психологической прорисовки персонажей, взаимодействие героев и их рока уже не столь прямолинейно.

В отличие от своего эддического аналога, Зигфрид «Песни» не имеет ни малейшего понятия о том, что его ждёт. Впрочем, подавляющее большинство персонажей разделяют его неведение, и только двум людям открывается их грядущая судьба. Характерно, что это – главные герои «Песни», смертельные враги Кримхильда и Хаген.

В первой же аванюре поэмы говорится о вещем сне юной принцессы Кримхильды, в котором у нее появился любимый сокол, но два орла растерзали его на ее глазах. Девушка просит свою мать, мудрую королеву Уту, растолковать ей этот сон, и получает однозначный ответ: сокол обозначает супруга, а орлы – убивших его врагов. Узнав, что ей предстоит раннее вдовство, Кримхильда заявляет, что и вовсе не пойдет замуж, лишь бы не переживать горе от потери любимого [4, с. 360–361]. Тем не менее, когда в Вормс приезжает Зигфрид, Кримхильда влюбляется в него и выходит за него замуж, ни в чём не проявляя не только своей прежней решимости оставаться безбрачной, но даже и беспокойства о Зигфриде и его грядущей гибели. Она сохраняет поразительную беспечность вплоть до самой смерти мужа, сперва провоцируя его конфликт со своими родственниками, а затем доверчиво открывая уязвимое место Зигфрида самому опасному и жестокому из этих родственников. Создаётся впечатление, что она попросту забыла про свой вещий сон.

Совершенно иначе принимает приговор судьбы Хаген. Узнав из уже упомянутого выше разговора с русалками о предстоящем истреблении всех бургундов, он, в первую очередь, проверяет, насколько надёжен источник информации. Дело в том, что, согласно русалкам, один из числа его спутников всё-таки должен выжить, и это королевский капеллан. И вот Хаген устраивает проверку: на середине Рейна выбрасывает священника из лодки и пытается его утопить. Тот, тем не менее, не тонет, выбирается на оставленный нибелунгами берег и отправляется назад в Вормс. Проверка оказывается пройдена, и Хаген видит, что русалки не солгали ему [4, с. 537]. Отныне все его действия исходят из убеждения, что он и его короли едут на смерть, и всё, что можно и нужно делать в сложившихся обстоятельствах, – это принять смерть максимально достойно, не давая врагам пощады, друзьям – надежды на спасение ценой утраты чести, а наблюдателям – ни тени сомнения в незыблемом мужестве Бургунденхофа. Интересно, что при этом он упорно скрывает пророчество русалок ото всех своих спутников, не делая исключений ни для своего феодального сеньора короля Гунтера, ни для своего брата Данкварта, ни для своего лучшего друга шпильмана Фолькера.

В первую очередь заметим, что странен сам выбор людей, получивших откровение: опытный политик и юная девица. Почему судьба пожелала быть открытой именно им?

Мы полагаем, что знание своего будущего – это своего рода печать, удостоверяющая статус индивида как подлинного героя. К моменту получения пророчества Хаген совершил уже множество подвигов, о некоторых из них «Песнь о Нибелунгах» не рассказывает, а лишь упоминает вскользь, например о битве у Васкенштайна [4, с. 624], другие – участие в войне против саксов и данов и в сватовстве к Брюнхильд, убийство непобедимого Зигфрида – разворачиваются перед глазами читателя. Таким образом, храбрость и верность Хагена несомненны и многократно доказаны, и, чтобы иметь право считаться эпическим героем, ему недостаёт только одного финального штриха, своего рода выпускного экзамена – он должен узнать заранее о своей гибели и правильно распорядиться этим знанием, что и происходит во время переправы через Дунай и в дальнейшем. Кроме того, Хаген из Тронье генетически связан с подземным миром, он, как мы подробно доказывали в одной из своих предыдущих статей [5, с. 32], сын альба по рождению и нибелунг по праву обладания кладом нибелунгов. Приближаясь к границе между миром живых и миром мертвых, он уже может слышать голоса из тьмы.

Весьма соблазнительно было бы тем же фактором, т. е. обладанием кладом, объяснить и избраннычество Кримхильды. Ведь она тоже была хозяйкой сокровища мертвых, и тем самым, оказалась сопричастна нижнему миру. Тем не менее, мы вынуждены отвергнуть такое объяснение. Во-первых, Кримхильда видела вещий сон значительно раньше, чем прикоснулась к сокровищу. Во-вторых, как мы уже говорили выше, Зигфрид, который добыл клад нибелунгов собственными руками, ничего о своём будущем не знает, ни имеет предчувствий, не видит вещих снов. Остаётся предположить, что Кримхильда и Хаген, помимо клада и кровного родства, объединены каким-то другим общим признаком, и именно этот признак и даёт им двоим право предугадать веления судьбы.

Рискнём выдвинуть гипотезу, что этот признак есть умение и желание организовать массовую кровавую резню. Раннесредневековые германцы были буквально заморожены героической гибелью, недаром лишь павшие в бою удаивались радостного посмертия в Вальхалле. Поэтому логично, что вожди, чья воля толкнула сотни других людей к этой благородной смерти, должны были занимать особое место в коллективном воображении германских народов.

Здесь стоит оговориться, что подобного рода этическая система вряд ли была возможной в масштабах всего социума в целом, так как никакое общество не может возвести стремление к смерти в моральный императив. Описываемое понимание героики было присуще преимущественно военизированной дружиной или феодализирующейся элите германских обществ. Именно для них характерна корпоративная этика, стоящая, как на двух китах, на храбрости и верности. Именно из этого слоя выходили выдающиеся воины, и интересно, что чем крупнее масштаб героя в легенде, тем выше его титул. Подлинно великие герои, толкнувшие на гибель сотни безымянных ратников, – всегда короли или ближайшие родственники королей. Да и сам напряжённый интерес к знанию своей судьбы тоже, как мы полагаем, имеет некоторые социальные измерения. Всем людям во все времена было присуще стремление заглянуть за завесу будущего, но если у крестьян оно выражалось в виде заботливого и тщательного наблюдения за природными явлениями с целью предсказать погоду, от которой и зависел их урожай, а значит, и само их выживание, то для профессионального воина Средних веков основным вопросом к будущему мог быть лишь вопрос, когда и от чьей руки он погибнет. Для этого социального слоя гибель в бою и её обстоятельства – и есть судьба.

Зигфрид выступает как воин-одиночка, его главный подвиг, убийство дракона, настолько мало интересует автора поэмы, что тот даже не пожелал посвятить ему ни одной аэвентюры, а просто описал это событие ретроспективно, в кратком пересказе Хагена [4, с. 370]. При всей силе и удали нидерландского принца, его главная роль в поэме – не инициативная, а казуальная, он не столько совершает значимые действия сам, сколько обуславливает значимые действия других персонажей. И перед смертью, что важнее всего, он не успевает оказать своему убийце никакого сопротивления, не говоря уж о том, чтобы прихватить с собой на тот свет побольше врагов. В силу этого он не достигает подлинного героического уровня, и ему не открывается будущее.

Не таковы Кримхильда и Хаген. Их действия проактивны, их воля направлена к смерти, и они уверенно навязывают её максимальному количеству других людей. Эта устремлённость к Вальхалле долгое время остается скрытой даже от них самих. На протяжении всей первой части поэмы Кримхильда хочет лишь семейного счастья; Хаген, вплоть до отъезда из Вормса, отговаривает Гунтера с братьями от самоубийственных решений, пытаясь обеспечить им и себе максимальную безопасность. Однако когда прежние желания персонажей оказываются неосуществимы, когда мир отказывается им в счастье и безопасности, то тотчас актуализуется изначально имманентный их духу героический вектор воли, направленной к смерти. Эти два человека имеют право на особые отношения с судьбой, потому что они готовы её принять и выступить в роли её соавторов, уведя с собою в могилу столько людей, чтобы память об их гибели сохранялась веками.

Впрочем, полного равенства между главными героями «Песни о Нибелунгах» не существует, в том числе и в их отношении к судьбе. Хаген активно ищет ответа на вопрос о будущем и получает нужную информацию наяву, при контакте с жителями иного мира, которые пророчат ему его собственную гибель, вместе со всем его домом. При этом он сохраняет предсказание в секрете, но прямо идёт навстречу предсказанному, подчиняет все свои действия этому тайному знанию и использует его по назначению, то есть для того, чтобы встретить врагов во всеоружии и причинить им максимальный урон прежде, чем предсказанное случится. Кримхильда же не прилагает никаких усилий для того, чтобы узнать будущее, это знание буквально навязывается ей в сновидении. Узнав свою судьбу, она предпринимает кратковременную попытку уклониться от предсказанной участи, но в дальнейшем игнорирует наличие пророчества. И это устанавливает между ними определённую иерархию: с одной стороны, зрелый, интеллектуально трезвый, выстрадавший собственными подвигами героизм Хагена, с другой – инстинктивный и эмоциональный героизм Кримхильды. Он – мужчина, законный гражданин мира героев, во всём, даже в стремлении к смерти, сохраняющий верность своему клану. Она же – женщина, невольный и непрощенный гость в героическом мире, узурпировавшая мужские привилегии и ради своей мести поправшая все человеческие отношения, произвольно поставившая свою любовь к первому мужу выше своего долга перед вторым мужем, перед своими братьями и сыновьями. Героизм Кримхильды несомненен, но при этом ущербен. И потому, получив от судьбы положенное ей как герою тайное знание, она не умеет толком им распорядиться.

Ещё одним заслуживающим рассмотрения аспектом вещего сна Кримхильды является его содержание. Интересно, что этот сон касается не её собственной судьбы, а только гибели её первого мужа. Между тем ей и самой предстоит погибнуть от меча, что само по себе гораздо более удивительно и маловероятно, чем такая же гибель воина Зигфрида. Почему она не видит снов о своем трагическом конце? Неужели она и её смерть не имеют никакого самостоятельного значения, и всё, что с ней случается после Зигфрида – уже не в счёт? Но такое предположение прямо противоречит источнику, в котором роль Кримхильды как активного участника и организатора приближающейся катастрофы преимущественно реализуется уже во второй части поэмы. Хаген же узнает о собственной смерти, которая, впрочем, невычленима из общего истребления всех нибелунгов. В отличие от Гуннара в «Старшей Эдде», которому его жена предсказывает, что он будет захвачен в плен и скован цепями [7, с. 289], Хаген из «Песни» узнает лишь то, что его и всех его друзей перебьют вассалы Этцеля. Русалки не детализируют, что произойдёт с самим героем, не рассказывают ни про плен, ни про смерть от рук женщины [4, с. 533].

Мы предполагаем, что такое различие в содержании пророчеств коренится в различии функций самих героев. Хаген – герой-защитник, недаром его устойчивая характеристика в поэме – «щит нибелунгов», и даже имя его можно этимологизировать как «защищать, охранять, защита» [6]. На протяжении всего произведения его основная деятельность сводится именно к защите королевского дома Бургундии от иноземцев, бесчестящих слухов, династических кризисов и других возможных опасностей. Поэтому информация о будущем, которую ему позволено знать, касается именно гибели королевского дома, и себя самого лишь в числе всех прочих. Кримхильда же – героиня-мстительница. Она никого не защищает, ничего не завоевывает, её героизм раскрывается лишь в ситуации мести и распространяется только на эту ситуацию.

И потому ей дается пророчество о смерти мужа, за которого ей и предстоит мстить. Её же собственная гибель уже не принадлежит к высокому пространству героики, и, как и все события профанного мира, не заслуживает упоминания в пророчестве.

Судьба в «Песни о Нибелунгах» – постоянный, хотя и тайный участник событий, в сложном взаимодействии с другими участниками. Она направляет поступки персонажей и сама направляется ими, открывая себя лишь избранным храбрецам, тем, кто сумеет стать её соавтором, кто, в соответствии с её предначертаниями, смело пойдет к смерти и поведёт туда же других. Только такие люди могут считаться героями. Тем не менее, даже эти избранные не живут всю свою жизнь в максимальном напряжении, устремив свою волю к смерти и выполнению долга, поэтому судьба открывает им лишь отдельные аспекты грядущих трагедий.

Список литературы

1. Беовульф // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о нибелунгах. – Москва : Художественная литература, 1975. – С. 27–180.
2. Гуревич, А. Я. Диалектика судьбы у германцев и древних скандинавов / А. Я. Гуревич // Понятие судьбы в контексте разных культур. – Москва : Наука, 1994. – С. 148–158.
3. Гуревич, А. Я. Индивид и социумна средневековом Западе / А. Я. Гуревич. – Москва : РОССПЭН, 2005.
4. Песнь о нибелунгах // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о нибелунгах. – Москва : Художественная литература, 1975. – С. 357–628.
5. Саракаева, А. А. Значение сокровища (Horde) в средневековом германском эпосе «Песнь о нибелунгах» / А. А. Саракаева, И. Л. Лебедева // Современные исследования в области лингвистики, литературы и культуры. – 2018. – С. 26–36. – Режим доступа: http://scipro.ru/conf/proceedings1_31052018.pdf#page=26, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
6. Саракаева, А. А. Хаген из Тронье: происхождение легенды / А. А. Саракаева, Э. А. Саракаева, И. В. Лебедева // Слово и текст в свете современных исследований филологических наук. – Нижний Новгород : Профессиональная наука, 2016. – С. 65–77.
7. Старшая Эдда // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о нибелунгах. – Москва : Художественная литература, 1975. – С. 181–356.
8. Anderson, T. Preface to the Nibelungenlied / T. Anderson. – Stanford : Stanford University Press, 1987.
9. Gibbs, M. Medieval German Literature / M. Gibbs, S. M. Johnson. – New York : Routledge, 1997.
10. Homan, H. The Hagen Figure in the Nibelungenlied: Know him by his Lies / H. Homan // MLN. – 1982. – Vol. 97, № 3. – P. 759–769.
11. Mueller, J. D. Rules for the Endgame. The World of the Nibelungenlied / J. D. Mueller. – Baltimore, Maryland : The John Hopkins University Press, 2007.

References

1. Beowulf. *Beowulf. Elder Edda. Song of the Nibelungs*. Moscow, Khudozhestvennaya literature Publ., 1975, pp. 27–180.
2. Gurevich, A. Ya. Dialectics of fate among the Germans and the ancient Scandinavians. *The concept of fate in the context of different cultures*. Moscow, Nauka Publ., 1994, pp. 148–158.
3. Gurevich, A. Ya. *Individual and society in the medieval West*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2005.
4. Song of the Nibelungs. *Beowulf. Elder Edda. Song of the Nibelungs*. Moscow, Khudozhestvennaya literature Publ., 1975, pp. 357–628.
5. Sarakaeva, A. A., Lebedeva, I. L. The value of the treasure (Horde) in the medieval Germanic epic “Song of the Nibelungs”. *Modern research in the field of linguistics, literature and culture*, 2018, pp. 26–36. Available at: http://scipro.ru/conf/proceedings1_31052018.pdf#page=26.
6. Sarakaeva, A. A., Sarakaeva, E. A., Lebedeva, I. V. Hagen from Tronier: the origin of the legend. *Word and Text in the Light of Modern Studies of Philological Sciences*. Nizhny Novgorod, Professional Science, 2016, pp. 65–77.
7. Elder Edda. *Beowulf. Elder Edda. Song of the Nibelungs*. Moscow, Khudozhestvennaya literature Publ., 1975, pp. 181–356.
8. Anderson, T. *Preface to the Nibelungenlied*. Stanford, Stanford University Press, 1987.
9. Gibbs, M., Johnson, S. M. *Medieval German Literature*. New York, Routledge Publ., 1997.
10. Homan H. The Hagen Figure in the Nibelungenlied: Know him by his Lies. *MLN*, 1982, vol. 97, no. 3, pp. 759–769.
11. Mueller, J. D. *Rules for the Endgame. The World of the Nibelungenlied*. Baltimore, Maryland, The John Hopkins University Press, 2007.